

Ю. Е. Берёзкин

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6001-7339
E-mail: berezkin1@gmail.com

Волшебная жена: варианты мотива в контексте древнейшей истории

АННОТАЦИЯ. Мотив волшебной жены (мужчина сознательно берет в жены женщину, принадлежащую к нечеловеческому миру) — один из самых распространенных в фольклоре. Его встречаемость ниже всего в Австралии и Африке южнее Сахары. Как и другие мотивы, не отражающие представления о мире, а используемые в приключенческих повествованиях, «Волшебная жена», видимо, появилась не на африканской прародине, а уже в Евразии. Среди вариантов образа «Жена-собака» и «Жена-звезда» должны были быть известны до начала заселения Нового Света, о чем свидетельствуют параллели между индо-тихоокеанской окраиной Азии и Америкой. Распространение «Жены-собаки» совпадает с вариантом мотива леса, восстановленного после вырубki (Индокитай и Юньнань — Мезоамерика), а также вписывается в область встречаемости характерных для всего циркумтихоокеанского мира повествований, объясняющих появление культурных растений. В африканских традициях этиология растений практически отсутствует. Вариант с «Женой-лебедем» (гусыней / уткой / журавлем) был известен в Евразии позже 7 тыс. л. н., однако не позже 10–12 тыс. л. н. (есть в американской Арктике и на севере северо-западного побережья Северной Америки, но не на основной территории Нового Света). Характерная для эскимосов «Жена-лиса» находит параллели в Китае, Японии и на Сахалине. В Арктику этот мотив попал позже «Жены-гусыни». «Жена-голубка», скорее всего, распространилась во второй половине I тыс. н. э. Прямых доказательств связи мотива волшебной жены с тотемическими представлениями нет.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:
сравнительная фольклористика,
заселение Нового Света, большие
данные в гуманитарных
науках, циркумтихоокеанская
мифология, трансевразийские
параллели в мифологии

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Берёзкин Ю. Е.
Волшебная жена: варианты мотива в контексте
древнейшей истории. *Этнография*. 2024. 2 (24):
6–33. doi 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-6-33

Yu. Berezkin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-6001-7339
E-mail: berezkin1@gmail.com

The Magic Wife: Variants of the Motif in the Context of Ancient History

ABSTRACT. The motif of magic wife (a man deliberately marries a woman from the non-human world) is one of the most common in folklore. However, its occurrence is low in sub-Saharan Africa and especially in Australia. Like other motifs that do not reflect worldviews but are used in adventure narratives, the “magic wife” apparently appeared not in the African homeland but already in Eurasia. The “dog-wife” and the “star-wife” motifs must have been known before the settlement of the New World began, as evidenced by the parallels between the Indo-Pacific margin of Asia and the Americas. The spread of the “dog-wife” motif coincides with the spread of a “restored forest” variant (people cut trees, but in the morning the forest grows back again) typical for Indochina and Yunnan — Mesoamerica. The “dog-wife” is also common across the Circum-Pacific region, where the motifs that explain the appearance of cultivated plants are widespread and mostly identical. In Africa, the etiology of plants is practically absent. The “swan-wife” motif (also goose, duck, and crane) was known in Eurasia before 7000 BP but not before 12–10,000 BP. It is registered across the American Arctic and the northern part of the Northwest Coast but absent across the rest of the territory of the New World. The “fox-wife”, being typical of the Inuit, Yupiks, and Aleuts, finds parallels in China, Japan, and Sakhalin. Its spread across the Arctic can be related to the recent peopling of the region by Tule Eskimo. The “dove-wife” was hardly known before 2000 BP. There is no direct evidence linking the magic wife motif to totemic representations.

KEY WORDS: comparative folklore studies, peopling of the New World, big data in humanities, Circum-Pacific mythology, Trans-Eurasian parallels in mythology

FOR CITATION: Berezkin Yu. The Magic Wife: Variants of the Motif in the Context of Ancient History. *Etnografika*. 2024. 2 (24): 6–33. (In Russian). doi 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-6-33

ИСТОРИОГРАФИЯ

Темой статьи служит кластер фольклорных мотивов, связанных с образом волшебной жены, а попутно и некоторые другие эпизоды и образы. Единственная отечественная работа, в которой данной теме уделено существенное внимание, — статья Е. М. Мелетинского. Написанная в 1960-х годах и опубликованная по-немецки (Meletinski 1970), она лишь в конце 1990-х достигла русскоязычного читателя (Мелетинский 1998). Автор интерпретирует мотив сказочного супружества сразу во всех сюжетах и безотносительно к месту происхождения текстов. В контексте исторической парадигмы рассматривать материалы подобным методом, конечно, нельзя. К проповедскому эволюционизму (в сказках отражены архаические реалии) исследователь добавил методику набиравшего в 1960-х годах популярность К. Леви-Стросса, что еще более отдалило его позицию от нашей.

В международном указателе ATU (Uther 2004) тема волшебной жены не выделена, а ссылки на публикации, в которых она встречается, рассеяны по разным сюжетам. В основном это типы 313 (The Magic Flight), 400 (The Man in a Quest for his Lost Wife), 402 (The Animal Bride) и 465 (The Man Persecuted Because of His Beautiful Wife). Извлечь из ATU интересующие нас данные без обращения к источникам невозможно, ибо соответствующая типология изначально была основана на классификации фабул и отношений между персонажами при игнорировании конкретных их признаков. Так, в арабский указатель по системе ATU (El Shami 2004) добавлен сюжет 400*, The Swan Maiden, — с отсылкой к публикации по фольклору Алжира. Если эту публикацию открыть, то окажется, что лебедей в ней нет, а есть дева-голубка. В контексте идеологии ATU это не имеет значения, хотя для нас важно. С. Томпсон, отстаивавший универсальность фактов фольклора, в обзоре встречаемости мотива The Swan Maiden (D351.1) подчеркивал его многообразные фабульные сцепления и — через это — распространенность по всему миру как в традиционных нарративах, так и в авторских произведениях, как в Старом Свете, так и у европейских переселенцев в Америку, как в древних памятниках, так и в недавно записанных текстах (Thompson 1946: 87–93). Лишь в одном абзаце своего главного труда С. Томпсон (со ссылкой на Т. Джеймс) обращает внимание на региональные варианты (жена-лебедь, жена — какое-либо животное и жена — дар божества). Некоторые американские варианты с женой-лисой и женой-бизонихой упомянуты в разделе Animal Wives and Husbands в одном ряду с сюжетами, никакого отношения к «волшебной жене» не имеющими (p. 354–355). Томпсон не знал сибирского и центральноазиатского фольклора, но прекрасно владел материалами по Европе, Передней Азии, Индии

и Северной Америке. То, что в его обзорах нет четких критериев для наличия или отсутствия того или иного образа или эпизода, определено исходным представлением о фольклоре как о системе, к историческим процессам отношения не имеющей и не предполагающей анализа с использованием точных методов.

В СССР в начале 1980-х годов вышла энциклопедия «Мифы народов мира». Она подвела итог периоду необычайного интереса тогдашней советской интеллигенции к мифологии. Однако в ней тема волшебной жены отражена лишь в короткой статье о деве-лебеди, причем в сочетании с темой архетипа лебедя в литературе и искусстве Европы (Топоров 1982).

Статья “Schwanjungfrau” в немецкой «Энциклопедии сказки» длиннее, но ориентирована на те же «Мифы народов мира» и на советские публикации 1970–1980-х годов. Она начинается с отсылки к мифологическим представлениям о нерасчлененности человеческого и животного начал в образах первопредков (без использования самого термина) (Bäcker 2006). Если заниматься эволюцией представлений, то подобное утверждение имеет смысл, но оно никак не связано с изучением конкретных культурных взаимодействий. Обратив внимание на разную ареальную приуроченность «жены-лебедя» и «жены-пери/голубки», Й. Бекер сразу же переходит к вопросу о генезисе образа. Примерно в том же ключе написана его недавняя рецензия на одну японскую публикацию (Bäcker 2017). В ней рассматриваются тексты, которые, согласно нашим определениям мотивов, повествуют не о волшебной жене, а о жене-оборотне, хотя в случае с японскими нарративами это отличие действительно несущественно (см. ниже). Важнее другое: Бекер обсуждает не типологию текстов и не ареальное распространение вариантов, но особенности мужского и женского поведения в дальневосточном фольклоре на фоне данных по живой культуре. Он делает некоторые выводы о возрасте мотивов, но из-за отсутствия формализованной базы данных это скорее мнения, нежели доказательства.

Как и Й. Бекер, А. Миллер, рассматривая тему волшебной жены, уделяет основное внимание японским вариантам, но учитывает и другие, в частности в связи со шведской работой о деве-лебедях, написанной в начале XX в., а изданной крохотным тиражом и на более распространенные языки не переводившейся (Miller 1987). Признавая, что фольклористика в отношении повествований о волшебной жене находится в замешательстве и оценивая про и контра психологизма и структурализма, Миллер, как и все, кто уделил данной теме внимание, удивительным образом избегает очевидного и простого решения. Совершенно ясно, что ни «волшебная жена» в целом, ни ее частные варианты не представляют собой сюжетные типы, так что обсуждать определения этих вариантов бесплодно. Однако соответствующие тексты в разных сочетаниях содержат несколько характерных эпизодов и образов,

которые и являются теми единицами репликации, чье ареальное распространение может быть выявлено и оценено.

Наиболее полная фактическая информация о мотиве волшебной жены и встречаемости некоторых конкретных образов содержится во французском «Критическом словаре мифологии» (Le Quellec, Sergent 2017: 498–508). Однако и здесь определения мотивов не приведены, а данные об их распределении не систематизированы. Сам словарь — путеводитель по источникам, терминам и теориям, но не декларация авторской позиции.

Сказанное означает, что в историческом контексте тема волшебной жены в фольклоре и мифологии не исследована. Но, может быть, этого и не нужно и ничего важного такое исследование не принесет? Ответ прост. Если элемент культуры встречается по миру повсеместно или хаотично, он для историка интереса не представляет, а если регионально специфичен, то на него следует обратить внимание. Какова ситуация в данном случае?

МИРОВОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ МОТИВА ВОЛШЕБНОЙ ЖЕНЫ

В нашем каталоге (Березкин, Дувакин б. г.) соответствующий мотив обозначен номером K25 и имеет следующее определение: «Мужчина сознательно берет в жены женщину, принадлежащую к нечеловеческому миру». Уточнение «сознательно» позволяет отсеять варианты, в которых мужчина не знает о нечеловеческой природе женщины (наш мотив L125 «Жена-оборотень»). Западноевропейские и дальневосточные варианты мотива L125 (Beauquier 1910: 21; D'Arras 1981; Seki 1966: 74–80) похожи на относящиеся к мотиву K25 постольку, поскольку в них женский протагонист нечеловеческой природы стремится обрести семейное счастье, а не нанести герою вред. Однако в пределах большей части Евразии в текстах, основанных на мотиве L125, целью женщины-оборотня является именно причинение вреда. При желании их тоже можно было бы включить в K25. Мы, однако, не делаем этого, поскольку расширение семантического поля мотива до предела сопряжено с опасностью объединения исторически не связанных друг с другом фабул.

Мотив K25 часто сочетается с мотивом E9, «Неведомая хозяйка» (персонаж замечает, что в его отсутствие кто-то бывает в доме, и застаёт гостью врасплох). В редких случаях (в Европе у литовцев и северных русских, в Южной Америке у бороро) героиня наводит порядок в доме не будущего мужа, а его родителей или других стариков, но для развития фабулы эта подробность несущественна.

Мотив K25 — один из популярнейших в мире. Он зафиксирован в почти половине всех выделенных на данный момент традиций (в 500 из

1019), но все-таки не повсюду и с разной частотой. Этот мотив довольно редок в Африке южнее Сахары, вовсе отсутствуя у койсанов, и очень редок в Австралии. На юге и юго-востоке Южной Америки «волшебной жены» тоже нет (см. рис. 1). Информации по устным традициям юга Южной Америки в целом мало, однако по гуарани, теуэльче и даже огнеземельцам она все же достаточно представительна. Но наиболее существенна именно Африка. Поскольку современные люди расселились с этого континента, наличие или отсутствие южнее Сахары тех или иных элементов культуры важно для оценки времени их распространения.

Если ранее 50 тыс. л. н. люди расселялись из Африки, то с финального плейстоцена началось обратное движение в Африку из Евразии (Pfenning et al. 2023; Simões et al. 2023). Так что о времени и обстоятельствах появления здесь тех повествовательных эпизодов, которые имеют в Евразии соответствия, судить сложно. Некоторые варианты (например, сказка бауле Кот-д'Ивуара) содержат явные западноевразийские заимствования, но в большинстве текстов скорее преобладают африканские особенности. Возможность раннего

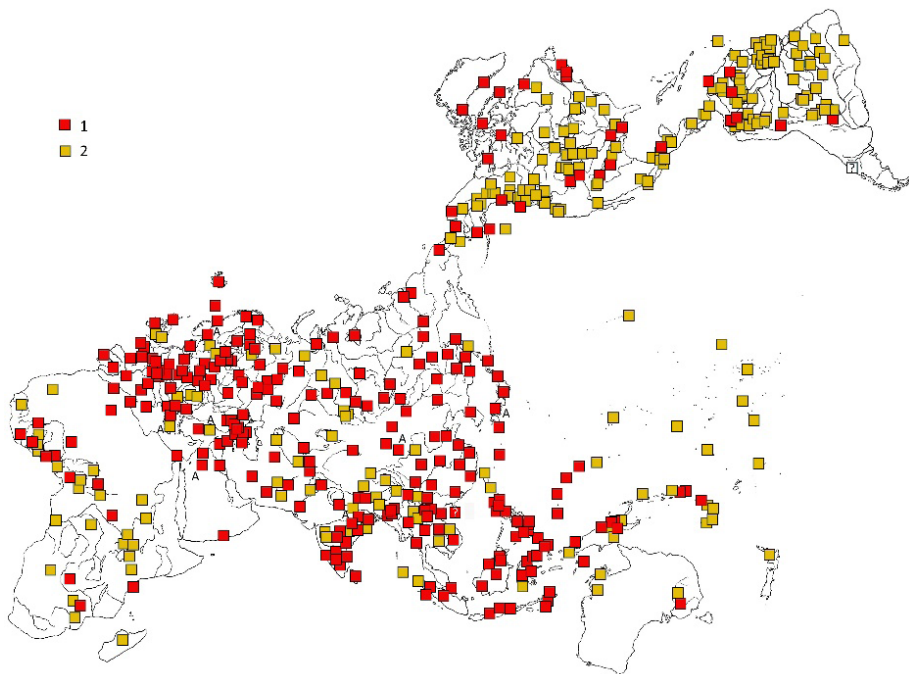

Рис. 1. Традиции, в которых известен мотив волшебной жены (K25): 1 — варианты, содержащие мотив спрятанной героиней одежды (шкуры, крыльев) — оставшись без волшебного покрыва, девушка не может вернуться в свой мир; 2 — прочие варианты

Fig. 1. Traditions in which the magic wife motif is known (K25): 1 — Variants containing the motif of the hero hiding the wife's clothing (skin, wings): left without her magic covering, the girl cannot return to her world; 2 — Other variants

распространения в Африке мотива волшебной жены ставится под сомнение не столько наличием недавних заимствований, сколько статистикой. Из 125 традиций южнее Сахары, выделенных на данный момент, мотив K25 удалось обнаружить в 29 (23%). Для сравнения: из 121 традиции Европы и Кавказа — в 93 (76%), из 53 традиций Северной Африки, Передней Азии, Средней Азии и Туркестана (без древневосточных, о чем ниже) — в 36 (68%), из 160 традиций Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии — в 107 (67%), из 53 традиций Сибири, Монголии и российского Дальнего Востока — в 36 (68%), из 50 традиций Океании и Новой Гвинеи — в 30 (60%), а из 159 традиций Северной и Центральной Америки — в 92 (58%). Даже в Южной Америке, где, как сказано, на юге и юго-востоке мотив K25 не обнаружен, он зафиксирован в 68 традициях из 166 (41%).

В кушитских, семитских и омотских традициях северо-востока Африки мотив K25 вообще не обнаружен. Этот факт можно проигнорировать, сославшись на недостаток сведений, но такое объяснение неочевидно. В I тыс. н. э. двигавшиеся с северо-востока Африки скотоводы достигли юга континента (Vicente et al. 2021). Судя по генам, в состав этой группы вошли и переселенцы из Передней Азии (Pfenning et al. 2023: 6–10). В фольклоре южноафриканских койсанов соответствующая миграция оставила заметный след — лиса/шакал (а не типичный для Африки южнее Сахары заяц) в роли трикстера, равно как и некоторые эпизоды с его участием (Березкин 2013: 233–234). То, что «волшебной жены» в койсанском фольклоре нет, свидетельствует в пользу отсутствия этого мотива также и у мигрантов с северо-востока. Утверждать что-то категорически в таких вопросах рискованно, но учитывать эти данные следует. Большинство фиксаций «волшебной жены» в Африке приходится на запад континента, то есть на регион, где несомненные заимствования из Северной Африки и в конечном счете из Евразии наиболее обильны (Березкин 2013: 61–62; Berezkin, Duvakin 2016).

Таким образом, в Африке, за исключением Магриба, «Волшебная жена» встречается реже, чем где-либо в мире, не считая Австралии, а имеющиеся варианты объяснимы недавним евразийским влиянием. Это склоняет ко мнению, что до выхода людей современного типа из Африки подобная тема в повествованиях отсутствовала, а появилась позже — скорее всего, в континентальной Евразии, откуда была принесена в Океанию и Америку. Такое мнение соответствует сделанному ранее выводу о характере мотивов, которые могли появиться в Африке до начала заселения современным человеком остальной ойкумены. Эти ранние мотивы отражают картину мира, но среди них нет повествовательных эпизодов (Березкин 2021; 2024).

ЛЕБЕДИ, ГОЛУБКИ И ПОХИЩЕННАЯ ОДЕЖДА

Обратимся к данным о распределении вариантов образа волшебной жены. В основном они выделены в соответствии с отождествлением героини с видами птиц и животных. Начнем, естественно, с девы-лебедя (см. рис. 2). Ареалы мотивов «Жена-лебедь» (E9i1) и «Жена-утка» (E9i2) совпадают, хотя «утка» встречается реже. Варианты же мотивов i9i1 и i9i3 («Жена-гусыня») не совсем совпадают. «Гусыня» хотя и встречается от Европы до Амура, однако гораздо реже, чем «лебедь» и «утка», зато у эскимосов и чукчей это основной вариант. Кроме эскимосов (как инуитов, так и юпиков), тот же мотив E9i3 зафиксирован на северо-западном побережье Северной Америки у тлинкитов и хайда.

Такое распределение характерно и для некоторых других мотивов. Один из них — M123 «Неудачный полет на юг» (неперелетная птица отправляется на юг с перелетными, но не в силах долететь до конца). Не считая редких сибирских фиксаций (западные и байкальские эвенки, эвены), этот мотив обнаружен, с одной стороны, у восточных инуитов, включая полярных, а с другой — не только у инупиат Северной Аляски,

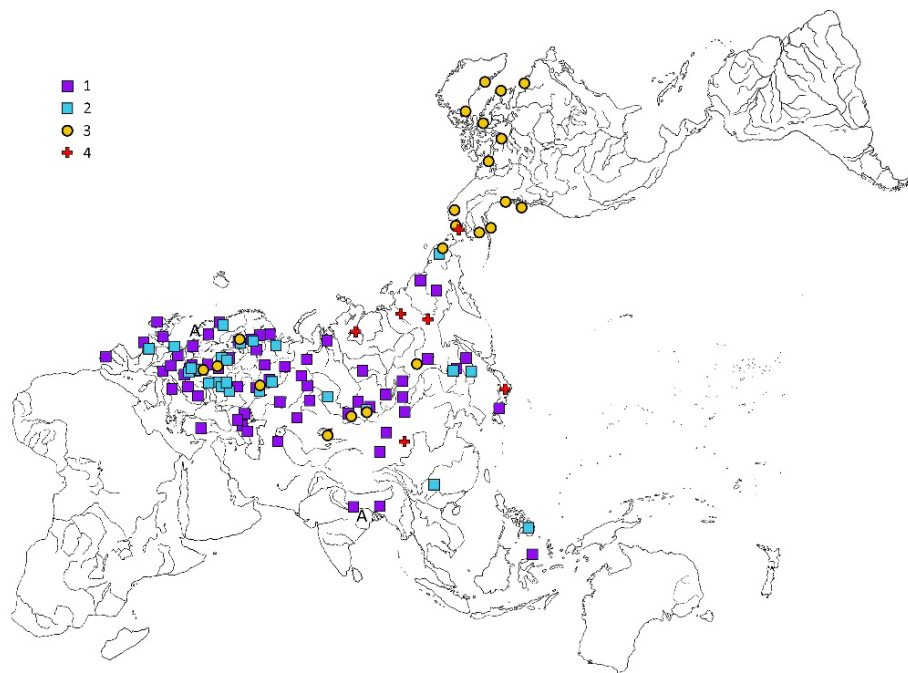

Рис. 2. Волшебная жена, принимающая образ одной из летящих клином крупных перелетных птиц. 1 — лебедь; 2 — утка; 3 — гусыня; 4 — журавль. Здесь и далее литерой «А» отмечены ранние письменные традиции

Fig. 2. A magic wife takes the image of one of the large migratory birds flying in a wedge. 1 — Swan; 2 — Duck; 3 — Goose; 4 — Crane. Hereafter the letter “A” marks early written traditions

но также у юпиков, аляскинских атапасков (хан, атна, танана, танайна, верхние танана), тлинкитов и хайда. Другой мотив — А31 «Влюбленный месяц» (в результате интимных контактов, любовного конфликта и т. п. ночное светило приобретает свой нынешний облик — поднимается с земли на небо и/или на нем появляются пятна). В Америке этот мотив известен тлинкитам и почти всем эскимосам, а далее он появляется уже только на юге Калифорнии, юго-востоке США и затем в Центральной и Южной Америке. Следует отметить, что на Аляске тлинкиты контактировали лишь с тихоокеанскими эскимосами (кадьякцами и чугачами), но именно у них мотив А31 не отмечен. Все сказанное делает вероятным перенос мотива жены-гусыни из Сибири в Америку не с нео-, а с палеоэскимосами и соответственно позволяет относить его появление в Сибири ко времени не позднее 5000 л. н. Мотивы же, связанные с расселением эскимосов туле менее 1000 л. н., жестче привязаны именно к носителям эскимосских языков.

Есть и еще одно указание на то, что «Жена-гусыня» проникла в американскую Арктику не во II тыс. н. э., а на более раннем этапе заселения этой территории. В чукотском тексте рассказывается, как после конфликта со свекровью жена-гусыня просит летящих в небе гусей сбросить ей перья и вместе с детьми улетает (позже муж возвращает ее). Мотив сброшенных перьев, которые персонаж прикрепляет к телу, чтобы улететь вместе с птицами (K25a2), почти полностью вписывается в ареал вариантов, в которых волшебная жена — лебедь, утка или гусыня. Фиксаций особенно много на севере Восточной Европы (русские Архангельской, Псковской, Тверской губерний/областей, украинцы Черниговской области, белорусы, литовцы, чуваша, марийцы, мордва). В Америке точная параллель отсутствует, однако у инуитов (но не у эскимосов Аляски) есть сходный вариант (K25a3): жена-птица улетает, сделав себе новую одежду из перьев, собранных на земле (нетсилик, иглулик, полярные, Баффинова Земля, Лабрадор, Западная Гренландия). В случае с мотивами, распространявшимися недавно, чукотские тексты, как правило, находят аналогии у инуиат северо-западной Аляски. Географически более далекие параллели с инуитами, с одной стороны, и с лесной зоной Восточной Европы —, с другой, предполагают более раннее время распространения.

Что касается неоэскимосов, то с ними можно связать образ жены-лисы (мотив E9a), замеченный у большинства эскимосов и алеутов, но неизвестный на северо-западном побережье. Связи этого мотива тянутся в Восточную Азию. Помимо чукчей, с ним знакомы нивхи, а также китайцы провинций Шаньси, Чжэцзян, Сычуань и, возможно, других (см. рис. 7.1). «Жена-лиса» есть и в Японии — правда в связи с мотивом не волшебной жены в нашем определении, а жены-оборотня (L125). Однако, учитывая близость японских текстов с мотивом L125 к типичным повествованиям о волшебной жене и географическую

близость Японии к Китаю и Сахалину, историческая связь японского образа с другими восточноазиатскими вероятно. Й. Бекер обоснованно предположил, что своеобразные японские варианты рассказов о браках мужчин с животными возникли на основе классической «волшебной жены» (Bäker 2017: 386).

Дальневосточные аналогии не означают, что прародина эскимосов туле находилась в Китае или на Амуре. Но эти параллели следует учитывать при реконструкции языковой и культурной ситуации в Восточной Сибири в древности.

Третий характерный для американской Арктики вариант — «Жена-медведица» (мотив E9m) (см. рис. 7.2). В Сибири он есть только у чукчей, а в Америке представлен как у эскимосов (азиатские эскимосы, остров Св. Лаврентия, инуиат Берингова пролива и Северной Аляски, устье Маккензи, иглулик), так и у северных атапасков (атна, хан, верхние танана, тагиш, южные тутчони, талтан, слев), а также на северо-западном побережье (у цимшиан и беллакула) и на севере Равнин (степные кри). Вообще наборы мотивов у эскимосов и атапасков частью совпадают, а частью резко различны. Почему это так, мы вряд ли узнаем прежде, чем станет определено время проникновения в Америку носителей языков на-дене. Что до мотива E9m, то он, похоже, не был принесен из Сибири, а появился именно на Аляске.

В вариантах E9i1, E9i2 и E9i3 героиня ассоциируется с летящими клином крупными перелетными птицами. Хотя журавли относятся к другому отряду пернатых, в народных классификациях эта особенность (построение клином во время сезонных миграций) сближает их с гусями и лебедями (по-немецки все они — *Zugvögel*). На севере Сибири у долган и якутов, но также у инуиат Берингова пролива волшебная жена ассоциируется с белым журавлем — стерхом. Журавли (тоже в основном светлой окраски, хотя и не стерхи) в связи с образом волшебной жены фигурируют в тибетских и японских сказках и в письменных китайских источниках. Насколько этот южный вариант связан с сибирским, сказать трудно. Однако можно смело утверждать, что южнее Аляски, Гренландии и крайнего севера Канады ассоциация *Zugvögel* с волшебной женой для Нового Света не характерна. Таким образом, удастся наметить не только верхнюю (5000 л. н.), но и нижнюю границу распространения подобного образа если не в Евразии в целом, то по крайней мере в Восточной Сибири. При отсутствии параллелей на основной территории Америки плейстоцен практически исключен.

Помимо ассоциации с крупными мигрирующими птицами, для Старого Света характерна ассоциация «Волшебной жены» с голубкой (мотив E9h). Этот вариант популярен в Европе, арабском мире, Иране и Центральной Азии, а единично встречается вплоть до Юго-Восточной Азии и Меланезии (см. рис. 3). Аралы «Жены-лебедя» и «Жены-голубки»

в Европе частично пересекаются, но в целом лебедь, утка, гусыня и журавль тяготеют к Северной Евразии, а голубка — к Средиземноморью, Кавказу, арабскому миру, Ирану и югу Центральной Азии. Две северные фиксации (датчане и сету) единичны, тогда как для Кавказа «Жена-голубка» — основной вариант. Образ этот, похоже, поздний. Если апсары-лебеди упоминаются в Шатапатха-брахмане, а жена-журавль — в рукописи IX в. из Дуньхуана, то жен-голубок в ранних письменных источниках нет. При этом нет их и в поздних балканских традициях, что ставит под сомнение распространение образа в османское время. Вместе с тем его перенос в западное Средиземноморье и в Поволжье в эпоху халифатов вполне вероятен. В Западной Сибири «Жена-голубка» отмечена только у мусульман (сибирских татар).

В текстах III–I тыс. до н. э. из Египта, Леванта и Месопотамии мотива волшебной жены нет ни в каком варианте. У хеттов и в античных источниках этот мотив встречается, однако женщина нечеловеческой природы, которая выходит за смертного (Фетида, Медея, дочь бога грома), не имеет здесь зооморфного воплощения. Обычные для историй о волшебной жене мотивы E9 («Неведомая хозяйка») и K24 («Спрятанная одежда сверхъестественной женщины») тоже отсутствуют.

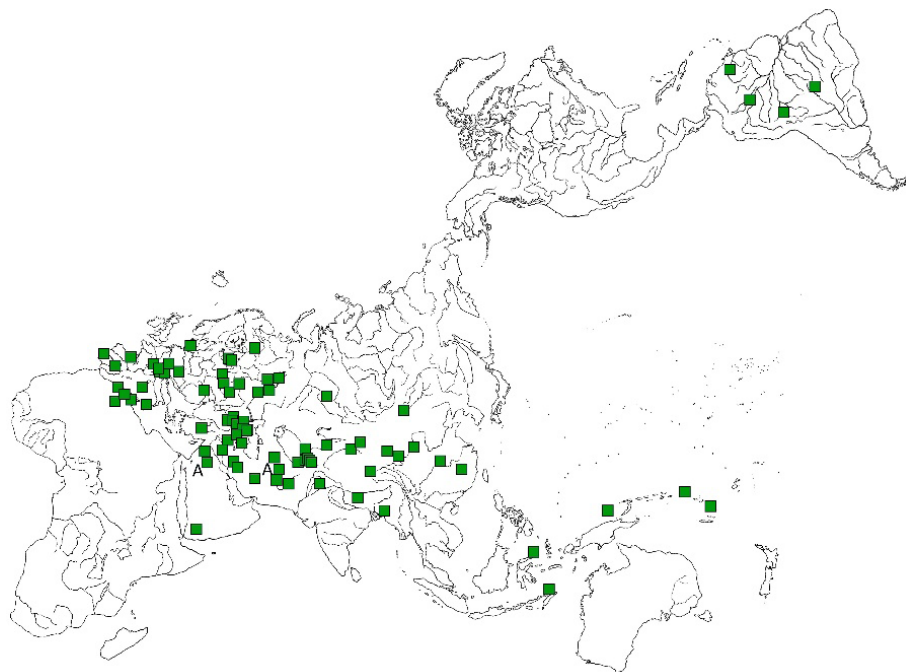

Рис. 3. Волшебная жена-голубка

Fig. 3. Magic dove-wife

Мотив K24 всегда сцеплен с мотивом K25 (кроме энцев и хауса, но оба текста, похоже, дефектны). При желании мотивом K25 *sensu stricto* можно считать сочетание K25 с K24. Хотя эпизод со спрятанной одеждой известен не только в Старом Свете, но также в Южной и Северной Америке, встречается он там почти в 8 раз реже — 7,2 против 56%, а если исключить эскимосов, то лишь 4,8% (см. рис. 1). Это согласуется с предположением о том, что мотив волшебной жены хотя и появился до начала заселения Америки, однако не сразу образовал те устойчивые сцепления с другими эпизодами, которые позже стали характерны для сказок на определенные сюжеты. В Африке южнее Сахары доля традиций, содержащих оба мотива (K24 и K25), как и в Новом Свете, низка, хотя и немного выше — почти 9%. Поскольку евразийский фольклор, скорее всего, проникал в Африку на протяжении долгого времени, в этом регионе ожидаемо сохранение вариантов, отражающих евразийскую ситуацию разных эпох.

Надо добавить, что «Жена-голубка» есть как в австронезийских, так и в южноамериканских традициях. Однако в обоих регионах «голубка» встречается наряду с другими, лучше представленными вариантами. Сомнительно, чтобы австронезийско-южноамериканские повествования были связаны общим происхождением, а раз так, то распространение данного образа в эпоху, сопоставимую по древности со временем заселения Нового Света, вряд ли возможно.

«ЖЕНА-СОБАКА» И ЦИРКУМТИХООКЕАНСКАЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Совершенно иная ситуация с мотивом E9d (волшебная жена имеет вначале облик собаки или щенка). В Восточной Африке есть кластер традиций (мараголи, джолуо, ланго, ануак), которым этот вариант известен. Однако поскольку собака попала в Африку из Леванта лишь в среднем голоцене (Bergström et al. 2020), для оценки времени распространения мотива E9d в циркумтихоокеанском мире эти данные несущественны. Наибольшая концентрация традиций с «Женой-собакой» приходится на Восточные Гималаи, а в целом в Азии этот мотив известен от Индии до верхнего Енисея, нижнего Амура и Восточной Сибири. Американская область распространения охватывает юг Аляски (Кадьяк), северо-запад Мексики, Мезоамерику и Гвиану (см. рис. 4). Подобное распределение (Восточная Азия — Мезоамерика и Мезоамерика — Гвиана) характерно для многих мотивов. Не станем перечислять все, а назовем лишь G9 (срубленный при расчистке участка лес к утру возрождается, обработанное поле превращается в целину).

В Америке ареал мотива G9 тянется от Западной Мексики до Гвианы (см. рис. 4, вставка). В Азии большинство текстов записано

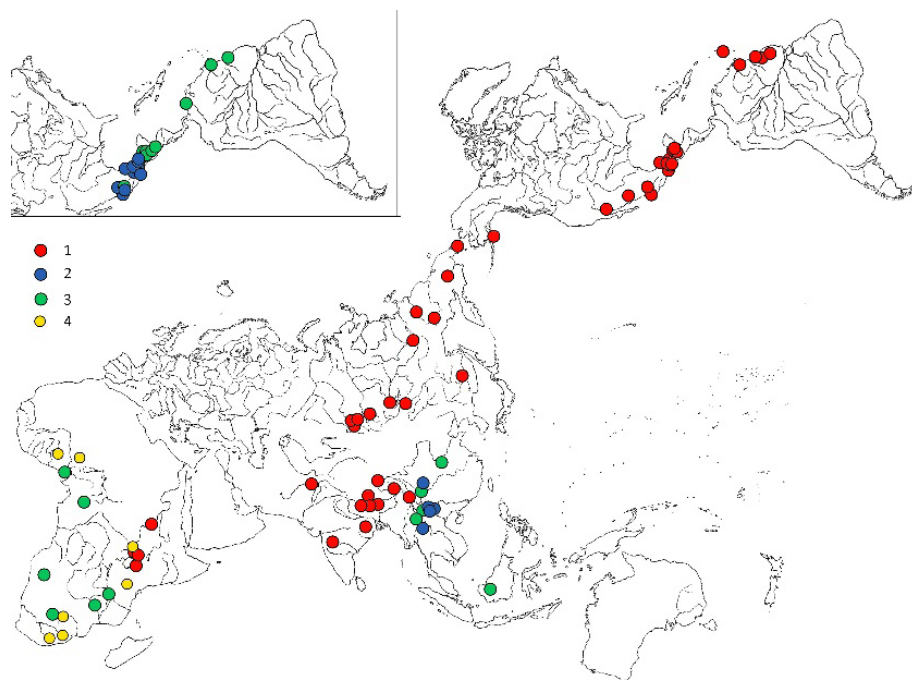

Рис. 4. «Жена-собака» и возрожденная растительность на участке: 1 — волшебная жена-собака (мотив E9d); 2 — по ночам персонаж заставляет срубленные деревья подняться, а утром объясняет, что скоро начнется потоп, работать нет смысла и следует подготовить средство спасения (мотив E9g); 3 — срубленный при расчистке участка лес или кустарник к утру возрождается (для Америки 2 и 3 показаны только на вставке); 4 — обработанное накануне поле к утру превращается в целину

Fig. 4. “Dove-wife” and revitalized vegetation on the place of the future field: 1 — The magic wife is a dog (motif E9d); 2 — At night, the person makes the fallen trees rise, and in the morning explains that the flood is about to come, working is meaningless and means of escape should be prepared (motif E9g); 3 — A forest or shrubbery cut down while clearing the plot grows back by morning (for America, “2” and “3” are only shown on the tab); 4 — A field cultivated during the day turns into a virgin land by morning

на севере континентальной Юго-Восточной Азии и в Юньнани, а единично — у ханьцев (Хэбей) и в Индонезии (ибаны). Данный мотив известен южнее Сахары, однако с отличиями от азиатских и американских вариантов (см. рис. 4). Здесь повествования не относятся к категории космогонических, а касаются отдельных персонажей, нередко трикстеров, причем речь чаще идет не о возрождении древесной растительности, а о превращении обработанного поля в необработанное. Появился этот мотив в Африке независимо или был принесен вместе с другими «неолитическими» в недавнее время из Азии (Березкин 2016), сейчас несущественно. Важно, что азиатские и американские варианты более сходны друг с другом, чем с африканскими, и что в некоторых рассказах

после эпизода расчистки леса, который к утру возрождается, следует продолжение (мотив G9a). Персонаж, который по ночам заставляет деревья подняться, объясняет героям, что скоро начнется потоп, работать нет смысла, а следует подготовить плавательное средство. В Азии подобные повествования записаны у аси, сани и лоло, а в Америке — у науатль западной Мексики, уичоль, тепекано, кора, отоми, уастеков, науат Пуэблы и Идальго, тотонаков, науатль Веракруса, различных групп пополука, а также у тлапанеков. У тепекано, уичоль и тлапанеков тексты содержат мотив волшебной жены-собаки, от брака которой с героем человечество возрождается.

Единственное объяснение для этих и других фольклорно-мифологических параллелей между Восточной Азией и Мезоамерикой — перенос мотивов через Берингию на одном из ранних этапов заселения Нового Света. Для мотива жены-собаки такая гипотеза не вызывает трудностей, но с мотивами G9 и особенно G9a проблема есть, ибо рассказ предполагает знакомство с земледелием. Но это лишь вершина айсберга.

В Африке южнее Сахары, Индонезии и Америке от Мексики до Чако и Бразильского нагорья господствует одинаковый тип земледелия. Здесь тысячелетиями выращивали плодовые деревья, вегетативно размножающиеся корне- и клубнеплоды, а также и один-единственный важный злак — сорго, рис либо кукурузу. В пределах индо-тихоокеанской окраины Азии и в Америке этиологические сюжеты, объясняющие появление данных культурных видов, многочисленны и в основном одинаковы (см. рис. 5). Что же касается Африки, то там не только нет подобных сюжетов, но отсутствует даже сколько-нибудь заметная этиология особенностей любой флоры, в том числе дикорастущей. Есть мифы о том, как люди научились обрабатывать землю, но о самих растениях не говорится.

Отсутствие данной темы в Африке не позволяет считать соответствующие мифы рутинным отражением природных и хозяйственных условий и поэтому делает маловероятным независимое появление сходных сюжетов по разные стороны Тихого океана. В то же время очевидная невозможность заниматься земледелием в Арктике должна исключать перенос подобных сюжетов через Берингоморье, тем более в палеолите. В принципе допустимо, что первоначально в Азии нарративы касались этиологии дикорастущих видов, а позже — в Азии и Америке независимо — дикорастущие виды в тех же сюжетах были замещены культурными. В южноамериканских мифах XX в. речь, действительно, порой идет о съедобных дикоросах, а на Аляске записан по крайней мере один текст, в котором из частей тела персонажа возникают различные ягоды (мотив G23A). Но каким образом среди подобных параллелей оказалась история о рубке леса накануне потопа?

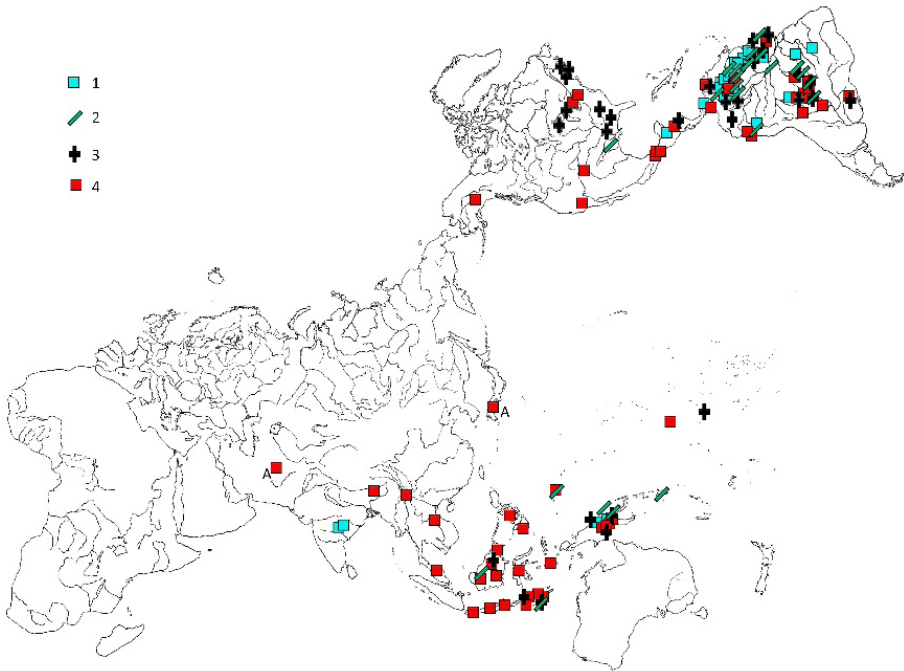

Рис. 5. Некоторые мотивы, объясняющие появление культурных и съедобных дикорастущих растений, характерные для циркумтихоокеанского мира: 1 — плоды и побеги различных культурных растений или плоды различных дикорастущих растений растут на ветвях одного дерева; культурное растение имеет древовидную форму, не свойственную ему в природе (мотив G5); 2 — культурные или важные пищевые дикорастущие виды растений обязаны своим происхождением змею, мурене или крокодилу/кайману (мотив G17); 3 — мальчик, женщина или, реже, мужчина просит других оставить его/ее среди леса, сжечь, разбросать останки или волочить тело на месте будущего огорода; на этом месте вырастают культурные растения (мотив G18); 4 — части тела и органы живого существа превращаются в различные растения: зубы — в кукурузу, пальцы — в ямс и т. п. (мотив G23a)

Fig. 5. Some motifs explaining the occurrence of cultivated and edible wild plants characteristic of the Circum-Pacific world: 1 — Fruits and shoots of different cultivated plants or fruits of different wild plants grow on the branches of a single tree; the cultivated plant has a tree-like form uncharacteristic of it in nature (motif G5); 2 — Cultivated or important wild plant species used as food owe their origin to a snake, moray eel, or crocodile/caiman (motif G17); 3 — A boy, woman or, less often, a man asks others to leave him/her among the forest, burn, scatter the remains or drag the body on the site of a future vegetable garden. Cultivated plants grow in this place (motif G18); 4 — Body parts and organs of a living creature are transformed into various plants: teeth — into corn, fingers — into yams, etc. (motif G23a)

В этой связи вспоминаются иконографические параллели между Восточной Азией и Мезоамерикой. Эта тема давно исчерпана, а параллели либо неубедительны, либо объяснимы древними связями через Берингию (Березкин 2015; 2022a; Васильев и др. 2015: 451–554). Но интрига все-таки остается.

ПРОЧИЕ ВАРИАНТЫ «ВОЛШЕБНОЙ ЖЕНЫ».
ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ

Из вариантов образа волшебной жены к ранней эпохе может относиться «Жена-звезда» (К19а). Подобные тексты типичны для Южной Америки, есть в Северной Америке и неплохо представлены в пределах индо-тихоокеанской окраины Азии (см. рис. 6.1). По одному варианту зафиксировано в Чаде (мбаи) и на Кавказе (абхазы).

Считать мотив «Жена-звезда» ранним заставляют следующие соображения. Среди множества эпизодов и образов, распространенных (почти) исключительно в циркумтихоокеанском мире, большинство касается темы человеческой анатомии, антропо- и социогенеза, отношений полов и необычных браков (Березкин 2018; Васильев и др. 2015: 359–370). «Жена-звезда» соответствует этой общей тенденции. Далее: сибирско-североамериканские параллели логично считать наиболее поздними, китайско-мезоамериканские — более древними, а меланезийско-амазонские — самыми ранними. Логика проста: чем дальше от Берингова пролива и континентальной Евразии, тем выше вероятность сохранения наиболее архаичных мотивов, которые на севере исчезли по мере замещения одних популяций другими. Последнее доказывается кардинальными изменениями в генофонде Восточной Сибири со времени ледникового максимума (Березкин 2019; 2022б). Можно также заметить, что среди эксклюзивных южноамериканско-меланезийских параллелей есть цикл эпизодов, в которых действует пара персонажей, состоящая из умного победителя-солнца и глупого неудачника-месяца (Березкин 2023). При этом настоящего трикстера (одновременно умный и глупый, свой и чужой, сильный и слабый) ни в Меланезии, ни на востоке Южной Америки нет. Похоже, что в той культуре, остатки которой сохранились до современности в обоих изолированных от остального мира регионах, предпочтение в определенных случаях отдавалось персонажам, ассоциированным со светилами, а не с животными.

Остальные варианты образа волшебной жены имеют столь же ограниченное распространение, как и упомянутые выше «Жена-медведица» (E9m) и «Жена-лиса» (E9a). Они не представлены трансконтинентально, а если встречаются на разных материках, то их ареалы друг с другом исторически вряд ли связаны (см. рис. 7). Таковы E9f («Жена-попугай»: восток Южной Америки; Юго-Восточная Азия), E9b («Жена-слониха»: Индокитай и один случай в Африке), E9c («Жена-бизониха», «Жена-лосиха» или иное крупное копытное животное: Северная Америка к востоку от Скалистых Гор; Западная Африка; единичные случаи у тундровых юкагиров, дагуров, сикуани), E9g («Жена-стервятник»: от юго-востока Мезоамерики до Амазонии), E9L («Жена-мышь»: от Франции до Фенноскандии, один случай в Непале),

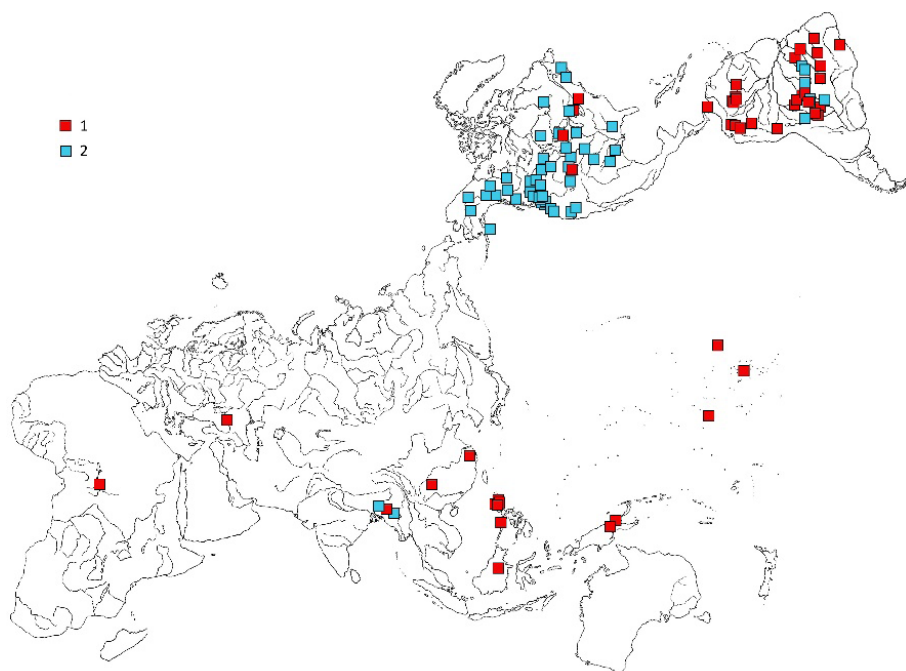

Рис. 6. Брак со звездой: 1 — жена-звезда; 2 — муж-звезда

Fig. 6. Marriage with a star: 1 — Star-wife; 2 — Star-husband

Е9j («Жена-обезьяна»: Амазония — Гвиана, Африка — Средняя Азия, всюду редко), Е9п («Жена — водное млекопитающее»: Микронезия; Шотландия — Фареры — Исландия; нивхи и ульчи). Есть и другие варианты, представленные в пределах еще более ограниченных территорий.

В случае с «Женой-звездой» интерес представляет инверсия гендерной характеристики протагонистов при частичном сохранении повествовательного контекста. В Новом Свете, помимо «Жены-звезды», есть и повествования о «Муже-звезде» (см. рис. 6.2). Первые преобладают в Южной, вторые — в Северной Америке, те и другие содержат общие мотивы, хотя полной симметрии при подобной инверсии не бывает. Варианты с «Мужем-звездой» тоже встречаются в пределах индотихоокеанской окраины Азии, но на основной территории Старого Света они неизвестны. Подобной инверсии с лебедем (уткой и пр.) никогда не бывает, а инверсия с голубем вместо голубки встречается редко. Зато с лягушкой ситуация такая же, как со звездой. Мотив Е9о «Жена-лягушка» популярен в Европе и на Кавказе, но встречается также на востоке Индии, в Бирме, Индокитае и Синьцзяне (см. рис. 8.1). Мотив К76а «Сын-лягушка и супруг-лягушка» типичен для Восточной и Южной Азии от Японии и Маньчжурии до Цейлона, но встречается также в Европе

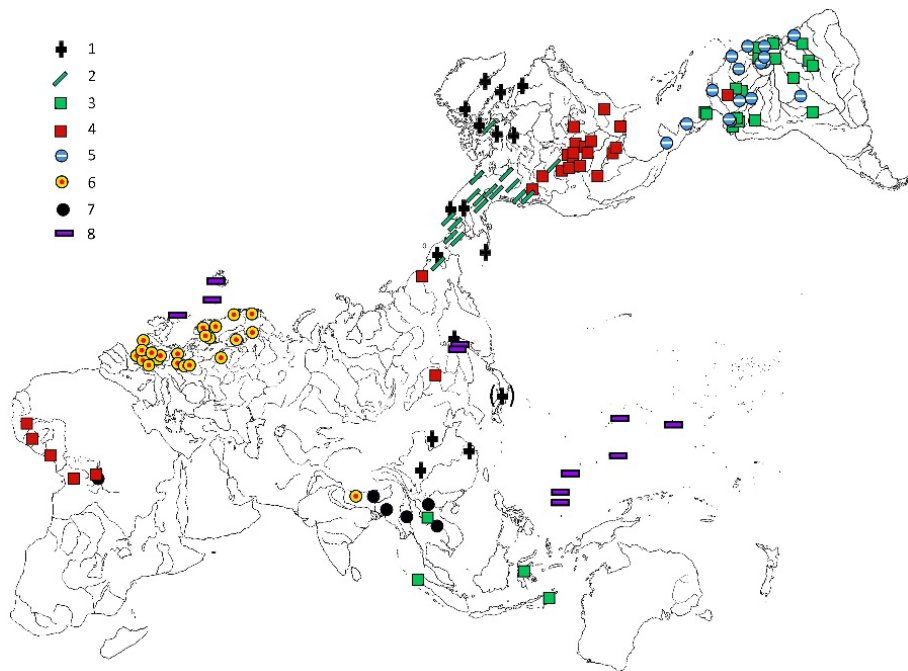

Рис. 7. Варианты идентификации «волшебной жены» с различными птицами и животными: 1 — лиса; 2 — медведица; 3 — попугай; 4 — крупное копытное животное; 5 — стервятник; 6 — мышь; 7 — слониха; 8 — водное млекопитающее (нерпа, тюлень, дельфин)

Fig. 7. Variants of identification of the magic wife with various birds and animals: 1 — Fox; 2 — Bear; 3 — Parrot; 4 — Large hoofed ungulate; 5 — Vulture; 6 — Mouse; 7 — Elephant; 8 — Aquatic mammal (sea or dolphin)

(см. рис. 8.2). Как и с супругой/супругом-звездой в Америке, в Евразии ареалы мотивов с мужским и женским партнером-лягушкой разделены огромной территорией, где этих мотивов нет. Американские данные объяснимы в свете динамики заселения Нового Света: принесенные на ранних этапах этого процесса мотивы могли легче сохраниться на севере и юге, чем в «бутылочном горле» Мексики и Центральной Америки. Однако для Евразии у нас нет сведений о подобных миграциях. При этом масштабные и эксклюзивные параллели между северо-западом и юго-востоком евразийского материка мотивом супруги/супруга-лягушки не исчерпываются.

Самые поразительные связаны с кластером мотивов K65–K65c (и отчасти K65c1 и K65c2) нашего каталога, которые описывают разделение людей и духов или людей и животных, порожденных одной супружеской парой. Связанные с этой темой тексты обильны как в Северной и Восточной Европе, так и в пределах индо-тихоокеанской окраины Азии, но в промежуточной зоне редки (киргизы, казахи, алтайцы, кеты, нганасаны). В Африке единичные варианты есть в Магрибе,

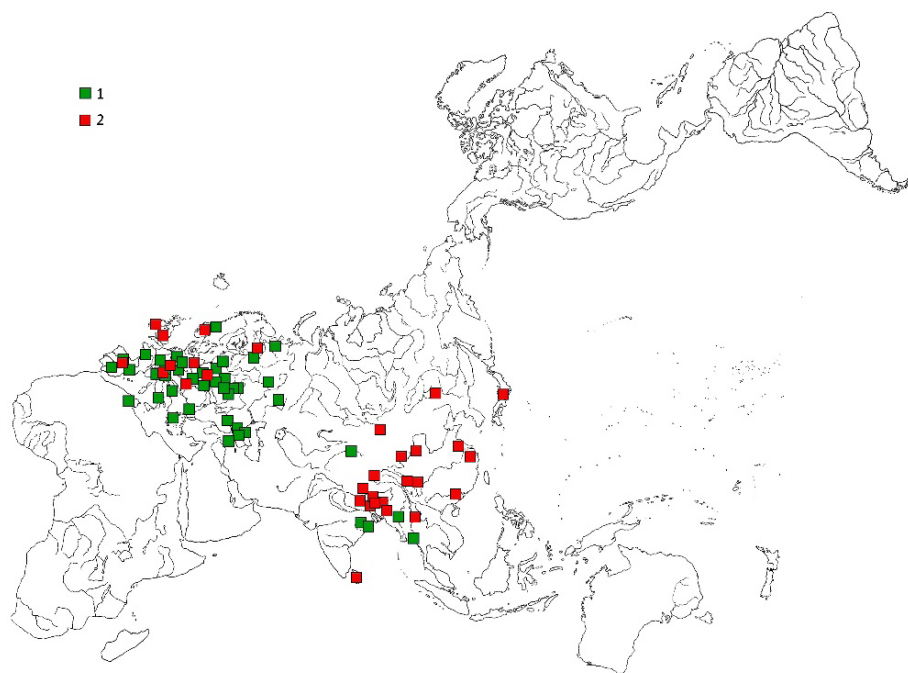

Рис. 8. Отождествление супруга или супруги с лягушкой: 1 — жена-лягушка; 2 — муж-лягушка
 Fig. 8. Identification of a spouse with a frog: 1 — Frog-wife; 2 — Frog-husband

Эфиопии и в Сахеле (хауса и сонгаи), а в более южных районах отсутствуют (рис. 9). Существует достаточно обширная литература, в которой соответствующие мотивы описываются у народов Европы (например, Белова, Кабакова 2014: 60–66; Dähnhardt 1907: 247; 1909: 98), но создается впечатление, что сходные варианты в Индии и Индонезии никем не были замечены.

Женщина, ассоциируемая с птицей или животным и ставшая женой человека (K25), в некоторых случаях считается прародительницей определенных этнических или социальных групп. Так, в этногенетическом предании семиреченских казахов брошенного ханского сына вырастили 40 девушек-гусей. Став взрослым, он взял их в жены, и от них происходят «кыргыз-казаки». В народной этимологии этот этноним истолкован в свете данной легенды: Кэрэк-Кыз-Каз-Ак («Сорок девиц гусей белых») (Беннингсен 1912: 3). У арапеш (папуа семьи торичелли) первый человек спрятал шкуру одной из купавшихся девушек-казуаров; их сыновья и дочери стали прародителями разных народов; старший — предок арапеш, младший — европейцев. В мифологии мексиканских уичоль после потопа спаслись мужчина с собакой. Мужчина подсмотрел, как в его отсутствие собака сбрасывает шкуру и становится женщиной. Он

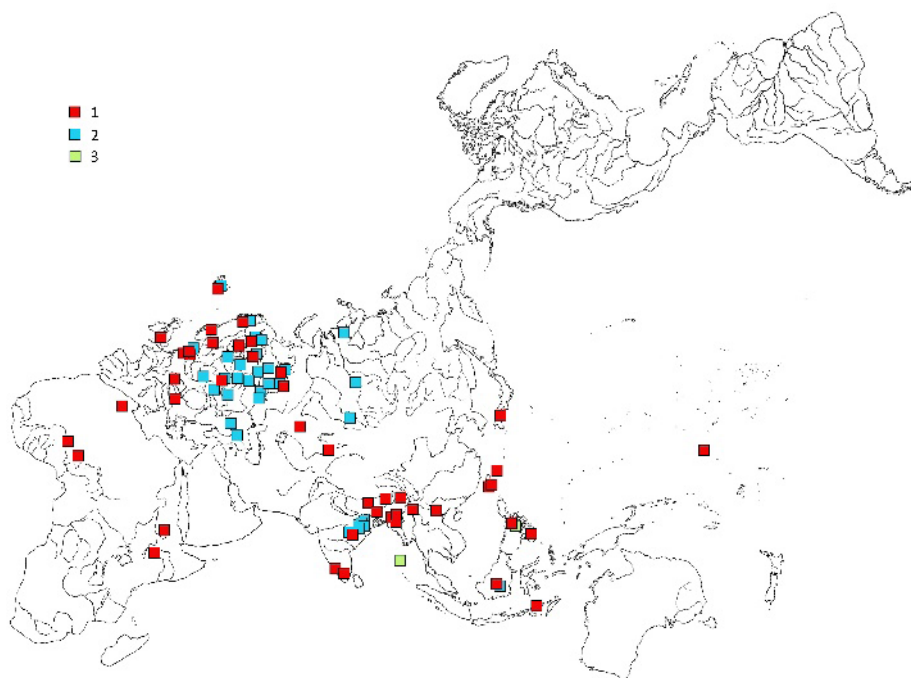

Рис. 9. 1 — духи (божества) или неприятные животные (змеи, лягушки, черви и т. д.) порождены той же первой антропоморфной парой или парой первопредков, что и люди (божества), наш мотив K65b; 2 — будучи сброшены, выброшены, рождены первопредками, существа определенной категории обретают индивидуальность, превращаясь в духов-хозяев различных локусов (мотив K65); 3 — первопредки или части их разорванных тел разбросаны по миру и становятся теми животными, которые обитают в соответствующих локусах (в каталоге этот вариант включен вместе с вариантом 2 в мотив K65a)

Fig. 9. 1 — Spirits (deities) or unpleasant animals (snakes, frogs, worms, etc.) derived from the same first anthropomorphic pair or the same pair of primordial ancestors as humans (deities), the motif K65b; 2 — After they were dropped, thrown away, born by the first ancestors, these beings acquire individuality, become host spirits of various loci (motif K65); 3 — The ancestors or parts of their severed bodies are scattered around the world and become those animals that inhabit the corresponding loci (in the catalog, this variant is included together with variant 2 in motif K65a)

сжег шкуру, потомки этой пары вновь населили землю (Lumholtz 1902 (2): 191–193). При этом мотив женщины нечеловеческой природы, чьи дети от обычного мужчины являются прародителями определенных групп людей (мотив K25e), является в сущности вариантом мотива K25. В некоторых традициях (в основном с территории современных Франции, Бельгии и Голландии) прародительницей определенных родов считался персонаж типа Мелюзины, то есть женщина, о демонической природе которой мужчина не знает. Однако такие случаи немногочисленны. Что же до волшебной жены, то можно ли предполагать, что данный образ возник как отражение тотемических представлений?

Рис. 10. Люди вообще либо определенная этническая, родовая или социальная группа считаются потомками земного мужчины и женщины сверхъестественного происхождения
 Fig. 10. People in general or of a certain ethnic, tribal or social group are considered to be descendants of an earthly man and a woman of supernatural origin

Это не выглядит вероятным. Из 500 традиций, в которых мотив K25 зафиксирован, этиологическая концовка относительно происхождения этнических или социальных групп (мотив K25e) имеется лишь в 70 (14% от общего числа; рис. 10). У подавляющего большинства этнических групп, возводивших происхождение определенных коллективов к животным, птицам, рыбам и пр., с подобными представлениями связаны другие, причем разные нарративы. Чтобы убедиться в этом, достаточно данных, собранных Дж. Фрэзером (Frazer 1910: 5–8).

Картографирование склоняет к мнению, что соответствующая этиологическая концовка повествований о волшебной жене, как и любые мотивы мифологии и фольклора, не коррелирует ни с особенностями организации общества, ни со степенью его социальной дифференциации. В Старом Свете мотив K25e распространен достаточно равномерно, причем в Африке южнее Сахары удалось обнаружить лишь пять случаев. Но в Новом Свете распределение совершенно иное. В Северной Америке мотив K25e почти не встречается, а его ареал в значительной мере совпадает с ареалом мотива E9d («Жена-собака») — максимум фиксаций приходится на Мезоамерику и Гвиану. И вообще ни у одной из групп

охотников-собирателей, не имевших заметной социальной иерархии, мотив К25е не зафиксирован, так что уводить его в глубокий палеолит нет нужды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Три четверти суммированных в статье данных могли быть собраны и изложены сто лет назад. Появление компьютера облегчило работу, однако не технические проблемы стали главным препятствием. Если в начале XX в. фольклористика еще колебалась в выборе пути развития, то в период между мировыми войнами этот выбор был сделан. Он оказался определен господствующим представлением о первичности культуры относительно конкретных культур. Отсюда — предпочтительное внимание к общему, а не к частному, убежденность в системности и структурности социальных и культурных явлений, стремление превратить огромную массу фактов в интеллектуальную конструкцию, существующую не то чтобы в отрыве от действительности, но подчиняющую ее, придающую ей форму, которую она должна иметь, согласно замыслу авторов.

Представляют ли явления культуры организованные структуры или же это совокупности элементов разного происхождения, которые сочетаются достаточно хаотически, гетерогенны по происхождению и постоянно подвергаются непредсказуемым внешним воздействиям — выбор между этими парадигмами зависит от позиции исследователя и вряд ли может быть доказан путем умозаключений. Выбирая второй вариант, мы не ставим перед собой задачу систематизировать факты культуры, как это делали (каждый по-своему) В. Я. Пропп, В. Н. Топоров или К. Леви-Стросс, а используем данные фольклора для решения конкретных исторических вопросов таким образом, чтобы о полученных результатах можно было бы рассказать в том числе и тем, кто про фольклор знает мало. Отношение нашей корпусной фольклористики к фольклористике томпсоновской или пропповской и к современной культурной антропологии примерно такое же, как отношение краниологии к лицевой хирургии. Нос или ухо имеют для человека огромное значение, а заднескуловой шов на самочувствии не отражается и никого не волнует. Однако для доказательства урало-юкагирского родства важна именно эта малозначительная и случайная особенность черепа (Kozintsev 1992).

Какие же результаты удалось получить? Самые общие состоят в том, что до выхода из Африки мотив волшебной жены в устных традициях, скорее всего, отсутствовал. Рассматривая образ неведомой хозяйки, с волшебной женой часто связанный, Й. Бекер пришел к выводу, что тот восходит как минимум «к мезолиту, если не к палеолиту» (Bäcker 2017: 386;

Shojaei Kawan, Väcker 2014: 1694–1695). Евразийско-американские параллели касательно жены-собаки и особенно жены-звезды сомнений относительно появления подобных мотивов в верхнем палеолите не оставляют. Другое дело, что в Евразии данная эпоха продолжалась 35 тысяч лет, и за это время многое успело произойти. Для ряда крупных регионов внятной картины культурной динамики ранее ледникового максимума пока нет, хотя успехи археологии и генетики дают надежду на прогресс в этой области.

Приведенные в статье материалы не подтверждают гипотезу появления в повествовательном фольклоре мотива волшебной жены под влиянием тотемических верований (что бы под ними ни понимали). Такая возможность не исключена, но конкретных доказательств нет. Отвечает ли концепт сверхъестественного брачного партнера свойственным *Homo sapiens* психологическим склонностям — этот вопрос, с нашей точки зрения, лежит вне компетенции гуманитарной науки.

Мотив волшебной жены представлен множеством вариантов, выделенных исходя из ассоциации героини с отдельными видами птиц и животных (а также со звездой). Ареалы таких вариантов коррелируют с направлением разновременных миграций и культурных взаимодействий — в частности, тех, которые имели место в процессе заселения Америки на его разных этапах. Оба главных евразийских варианта — «Жена-лебедь» (а также утка, гусыня, журавль) и «Жена-голубка» — к палеолиту вряд ли восходят. «Голубка» распространилась не ранее I тыс. н. э., а образ женщины, ассоциируемой с крупными, летящими клином перелетными птицами, должен был появиться не позже 5000 л. н., но не ранее 10–12 тыс. л. н., ибо не проник в Америку далее Арктики, западной Субарктики и севера северо-западного побережья.

Ареалы некоторых вариантов, особенно жены-собаки и жены-лягушки, представляют интерес прежде всего потому, что коррелируют с распространением других мотивов, что делает более надежным сопоставление фактов фольклора с движением древних популяций. В первом случае речь идет о параллелях между Юго-Восточной Азией и Мезоамерикой в связи с сюжетом возрождения растительности на участке после его расчистки под огород и следующего за этим потопа. Этот сюжет примыкает к обширной группе мифов, объясняющих происхождение культурных растений. Полное отсутствие чего-либо подобного в Африке делает маловероятным независимое формирование такого рода повествований по разные стороны Тихого океана. Но и перенос соответствующих сюжетов через Берингию выглядит сомнительно, а о транстихоокеанских плаваниях не может идти и речи.

Что касается «Жены/мужа-лягушки», то соответствующие сказочные тексты записаны на северо-западе и юго-востоке Евразии при отсутствии на промежуточных территориях. Такое распределение достаточно хорошо

коррелирует с ареалами мифов о происхождении людей и духов (либо людей и некоторых животных) от первой человеческой пары. Хотя европейские варианты часто включают авраамические мотивы, сам сюжет мог распространиться и раньше. Что же до вариантов из Юго-Восточной Азии, то они, безусловно, местные и древние. Иначе эта тема не была бы отражена в ранних японских письменных памятниках и не находила бы параллелей на Андаманах. Есть как минимум еще один мотив нашего каталога, M187, имеющий аналогичное распределение: Европа, с одной стороны, и Юго-Восточная Азия — с другой. Это рассказы о победе медлительного животного над быстро бегущим, когда они устраивают соревнование. В роли хитреца-победителя выступают рак, еж, черепаха и прочие медлительные существа, причем каждый встречается в текстах, записанных в пределах определенного ареала. Такого рода закономерности до сих пор не привлекали внимания. Причина в том, что, как было сказано в начале статьи, указатели по системе ATU (равно как и описанная В. Я. Проппом схема волшебной сказки) основаны на учете отношений между актерами и характере их действий при почти полном игнорировании видовой, профессиональной, этнической и т. п. характеристики персонажей.

Между тем ареалы мотивов, выделенных согласно ассоциации протагонистов с животными, нередко более компактны, нежели ареалы мотивов, основанных на классификации действий и отношений. Таков ареал образа жены-мышы, известный почти исключительно на северо-западе Европы. Последние данные генетики показывают, что перерывы постепенности в истории Европы были драматичнее, чем предполагалось. По крайней мере в Дании как переход от доземледельческой эпохи к культуре воронковидных кубков (конечный результат миграции земледельцев из Анатолии), так и появление индоевропейцев (потомков создателей ямной культуры) сопровождалось практически полным исчезновением предшествующего населения (Allentoft et al. 2024). Соответственно факты культуры, эксклюзивно связанные с атлантической Европой, потенциально могут являться теми редкими осколками ранней традиции, которые пережили популяционные и культурные катаклизмы последних 7 тысяч лет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Белова О. В., Кабакова Г. И. У истоков мира: русские этиологические сказки и легенды. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2014.

Беннингсен А. П. Легенды и сказки Центральной Азии. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1912.

Березкин Ю. Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб.: Наука, 2013.

Березкин Ю. Е. Циркумтихоокеанское искусство в палеолите // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2015. Вып. 1. С. 73–102.

Березкин Ю. Е. Азиатский след в африканском фольклоре в свете данных о трансконтинентальных связях в акватории Индийского океана во II тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // *Зографский сборник*. Вып. 5 / отв. ред. М. Ф. Альбедиль и Я. В. Васильков. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 23–44.

Березкин Ю. Е. Отражение картины мира в традиционных нарративах: реконструкция глобальных тенденций распространения и хронологической последовательности появления мотивов мифологии // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2018. Т. 46. № 2. С. 140–148

Березкин Ю. Е. Последовательность переноса мифологических мотивов в Америку // *Этнография*. 2019. № 3 (5). С. 8–25.

Березкин Ю. Е. Африканское наследие в мифологии // *Антропологический форум*. 2021. № 48. С. 91–114.

Березкин Ю. Е. Сисиутль // *Кунсткамера*. 2022а. № 3 (17). С. 139–157.

Березкин Ю. Е. Культурный континуум бореальной зоны Евразии и восточносибирский клин (по данным сравнительной мифологии и палеогенетики) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2022б. Т. 50. № 2. С. 28–40.

Березкин Ю. Е. Двое братьев, четверо братьев: варианты отношений между протагонистами как мифологические мотивы // *Антропологический форум*. 2023. № 57. С. 108–130.

Березкин Ю. Е. Толкучие скалы: обзор данных и датировка образа // *Антропологический форум*. 2024. № 61. С. 106–140.

Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения: 25.06.2024).

Мелетинский Е. М. Женитьба в волшебной сказке (ее функция и место в сюжетной структуре) // *Избранные статьи. Воспоминания*. М.: Изд-во РГГУ, 1998. С. 305–317.

Топоров В. Н. Лебедь // *Мифы народов мира*. Т. 2. М.: Сов. энцикл., 1982. С. 40–41.

Allentoft M. E., Sikora M., Fischer et al. 100 ancient genomes show repeated population turnovers in Neolithic Denmark // *Nature*. 2024. Vol. 625. P. 329–337. <https://doi.org/10.1038/s41586-023-06862-3>.

Bäcker J. Schwanjungfrau // *Enzyklopädie des Märchens*. Berlin; New York: De Gruyter, 2006. Bd. 12. Lieferung 1. S. 311–318.

Bäcker J. Ways of female initiative: explaining Japanese animal-wives' behavior. On Fumihiko Kobayashi, Japanese Animal-Wife Tales // *Fabula*. 2017. Vol. 58. No. 3–4. P. 383–391.

Beauquier C. Faune et flore populaires de la Franche-Comté. Tome premier: faune. Paris: Ernest Leroux, 1910.

Berezkin Y. Duvakin E. Buried in a head: African and Asian parallels to Aesop's fable // *Folklore (London)*. 2016. Vol. 127. No. 1. P. 91–102.

Bergström A., Frantz L., Schmidt R., Ersmark E. Origin and genetic legacy of prehistoric dogs // *Science*. 2020. Vol. 370. Iss.; 6516. P. 557–564.

Dähnhardt O. *Natursagen*. Vol. 1. Leipzig; Berlin: Teubner, 1907.

- Dähnhardt O.* *Natursagen*. Vol. 2. Leipzig; Berlin: Teubner, 1909.
- D'Arras J.* *Melusine*. Part 1 / ed. by A. K. Donald. Millwood: Kraus Reprint, 1981.
- El-Shamy H. M.* *Types of the Folktale in the Arab World*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2004.
- Frazer J. G.* *Totemism and Exogamy*. Vol. 1. London: MacMillan & Co. 1910.
- Kozintsev A. G.* *Ethnic epigenetics: A new approach // Homo*. 1992. Vol. 43. No. 3. P. 213–244.
- Le Quellec J.-L., Sergent B.* *Dictionnaire critique de mythologie*. Paris: CNRS Éditions, 2017.
- Lumholtz C.* *The Unknown Mexico*. Vol. 2. New York: Charles Scribner's Sons, 1902. 487 p.
- Meletinski E.* *Die Ehe im Zaubermärchen. Ihre Funktion und ihr Platz in der Struktur des Märchens // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1970. T. 19. S. 281–292.
- Miller A. L.* *The Swan-Maiden Revisited: Religious Significance of “Divine-Wife” Folktales with Special Reference to Japan // Asian Folklore Studies*. 1987. Vol. 46. No. 1. P. 55–82.
- Pfenning A., Petersen L. N., Kachambwa P., Lachance J.* *Evolutionary genetics and admixture in African populations // Genome Biology and Evolution*. 2023. Vol. 15. Iss. 4 doi.org/10.1093/gbe/evad054.
- Seki K.* *Types of Japanese Folklore*. Tokyo: Society for Asian Folklore, 1966.
- Shojaei Kawan Ch., Bäcker J.* *Haushälterin: die geheimnisvolle H. // Enzyklopädie des Märchens*. Berlin; New York: De Gruyter, 2014. Bd. 14. Lieferung 4. S. 1692–1697.
- Simões L. G., Günther T., Martínez-Sánchez R. M., Vera-Rodríguez J. C., Iriarte E., Rodríguez-Varela R., Bokbot Y., Valdiosera C., Jakobsson M.* *Northwest African Neolithic initiated by migrants from Iberia and Levant // Nature*. 2023. Vol. 618. P. 550–556.
- Thompson S.* *The Folktale*. New York: The Dryden Press, 1946.
- Uther H.-J.* *The Types of International Folktales. Parts 1–3. A Classification and Bibliography*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia. Part 1.
- Vicente M., Lankheet I., Russell T., Hollfelder N., Coetzee V., Soodyall H., De Jongh M., Schlebusch C. M.* *Male-biased migration from East Africa introduced pastoralism into southern Africa // BMC Biology*. 2021. Vol. 19, article number 259. <https://doi.org/10.1186/s12915-021-01193-z>.

REFERENCES

- Allentoft M. E., Sikora M., Fischer A. et al. 100 ancient genomes show repeated population turnovers in Neolithic Denmark. *Nature*, 2024, vol. 625, pp. 329–337. (In English).
- Bäcker J. Schwanjungfrau. *Enzyklopädie des Märchens*. Berlin; New York: De Gruyter, 2006, Bd. 12, Lieferung 1, S. 311–318. (In German).
- Bäcker J. Ways of female initiative: explaining Japanese animal-wives' behavior. On Fumihiko Kobayashi, Japanese Animal-Wife Tales. *Fabula*, 2017, vol. 58, no. 3–4, pp. 383–391. (In English).
- Berezkin Yu. E. *Afrika, migratsii, mifologiya. Arealy rasprostraneniya fol'klornykh motivov v istoricheskoy perspektive* [Africa, migrations, mythology. Areal patterns of the folklore motifs in the historical perspective]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2013. 320 p. (In Russian).

Berezkin Yu. E. [Circum-Pacific art in the Paleolithic]. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya* [Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology], 2015, no. 1, pp. 73–102. (In Russian).

Berezkin Y. Duvakin E. Buried in a head: African and Asian parallels to Aesop's fable. *Folklore*, 2016, vol. 127, no. 1, pp. 91–102. (In English).

Berezkin Yu. E. [Asian trace in the African folklore in the light of transcontinental maritime contacts CA. 1500 B.C. — A.D. 500]. *Zografskiy sbornik* [Zografsky collection]. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2016, iss. 5, pp. 23–44. (In Russian).

Berezkin Yu. E. [Manifestation of Worldviews in Traditional Narratives: A Reconstruction of Global Tendencies in the Dispersal and Chronology of the Emergence of Mythological Motifs]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 2018, vol. 46, no. 2, pp. 140–148. (In Russian).

Berezkin Yu. E. [The succession of the spread of mythological motifs into America]. *Etnografiya*, 2019, no. 3 (5), pp. 8–25. (In Russian).

Berezkin Yu. E. [African heritage in mythology]. *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 48, pp. 91–114. (In Russian).

Berezkin Yu. E. [Sisiutl]. *Kunstkamera*, 2022a, no. 3 (17), pp. 139–157. (In Russian).

Berezkin Yu. E. [The cultural continuum of the Eurasian boreal zone and the Eastern Siberian wedge (based on comparative mythology and paleogenetics)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], 2022b, vol. 50, no. 2, pp. 29–40. (In Russian).

Berezkin Yu. E. [Two Brothers, four Brothers: models of relations between the heroes of narratives as mythological motifs]. *Antropologicheskij forum*, 2023, no. 57, pp. 108–130. (In Russian).

Berezkin Yu. E. [Clashing rocks: the survey of the data and the dating of the idea]. *Antropologicheskij forum*, 2024, no. 61, pp. 106–140. (In Russian).

Bergström A., Frantz L., Schmidt R., Ersmark E. Origin and genetic legacy of prehistoric dogs. *Science*, 2020, vol. 370, issue 6516, pp. 557–564. (In English).

El-Shamy H. M. *Types of the folktale in the Arab world*. Bloomington: Indiana University Press, 2004. 1255 p. (In English).

Kozintsev A. G. Ethnic epigenetics: A new approach. *Homo*, 1992, vol. 43, no. 3, pp. 213–244. (In English).

Le Quellec J.-L., Sergent B. *Dictionnaire critique de mythologie*. Paris: CNRS Éditions, 2017. 1554 p. (In French).

Meletinski E. Die Ehe im Zauber Märchen. Ihre Funktion und ihr Platz in der Struktur des Märchens. *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1970, vol. 19, S. 281–292. (In German).

Meletinski E. M. [Marriage in a fairy tale (its function and place in the plot structure)]. *Izbrannyye stat'i. Vospominaniya* [Selected papers. Memories]. Moscow: Izdatel'stvo RGGU Publ., 1998, pp. 305–317. (In Russian).

Miller A. L. The Swan-Maiden Revisited: Religious Significance of “Divine-Wife” Folktales with Special Reference to Japan. *Asian Folklore Studies*, 1987, vol. 46, no. 1, pp. 55–82. (In English).

Pfening A., Petersen L. N., Kachambwa P., Lachance J. Evolutionary genetics and admixture in African populations. *Genome Biology and Evolution*, 2023, vol. 15, iss. 4. Available at: <https://academic.oup.com/gbe/article/15/4/evad054/7092825> (accessed 15.01.2024). (In English).

Seki K. Types of Japanese folklore. *Tokyo: Society for Asian Folklore*, 1966. 220 p. (In English).

Shojaei Kawan Ch., Bäcker J. Haushälterin: die geheimnisvolle H. *Enzyklopädie des Märchens*. Berlin, New York: De Gruyter, 2014, Bd. 14, Lieferung 4, S. 1692–1697. (In German).

Simões L. G., Günther T., Martínez-Sánchez R. M. et al. Northwest African Neolithic initiated by migrants from Iberia and Levant. *Nature*, 2023, vol. 618, pp. 550–556. (In English).

Thompson S. The Folktale. *New York: The Dryden Press*, 1946. 510 p. (In English).

Toporov V. N. [Swan]. *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1982, vol. 2, pp. 40–41. (In Russian).

Uther H.-J. The Types of International Folktales. *A Classification and Bibliography. Part 1. Animal Tales, Tales of Magic, Religious Tales, and Realistic Tales, with an Introduction*. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia. 2011. 619 p. (In English).

Vicente M., Lankheet I., Russell T. et al. Male-biased migration from East Africa introduced pastoralism into southern Africa. *BMC Biology*, 2021, vol. 19, pp. 1–16. (In English).

Submitted: 01.02.2024

Accepted: 15.03.2024

Article published: 01.07.2024